

ЕКАТЕРИНА
ДИБРИВСКАЯ

18+

СВЕТ МОИХ
ПУСТЫХ НОЧЕЙ

Второй шанс на счастье

Екатерина Дибривская

Свет моих пустых ночей

«Автор»

2024

Дибривская Е.

Свет моих пустых ночей / Е. Дибривская — «Автор»,
2024 — (Второй шанс на счастье)

Егор живёт тихо и уединённо в небольшом посёлке на берегу северного моря. Его жизнь – вольная ссылка. После ужасной потери он остался наедине со своим горем. Судьба приводит в его угрюмый мир хрупкую Милославу - девушку, что годится Егору по возрасту в дочери. Но он испытывает вовсе не родительские чувства и желания. Поддавшись соблазну, мужчина готов отпустить прошлое и просто жить дальше. Вот только у судьбы всегда есть свой план, и подарок вполне может оказаться всего лишь жестокой насмешкой.

Содержание

Пролог	5
1. Она	6
2. Он	12
3. Она	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Екатерина Дибривская

Свет моих пустых ночей

Пролог

Ветер срывает с неба первые тяжёлые капли.

– Значит, это всё? – звучит с надрывом голос дрожащий.

Не поворачиваясь отвечаю:

– Ты же знала, что рано или поздно это произойдёт.

– Да, знала, но я думала...

– Я предупреждал, Слава: не проси невыполнимого.

– Я и не просила, – всхлипывает она.

Я знаю, что сейчас она утрёт нос рукавом, размажет слёзы по лицу, возьмёт себя в руки.

Но девушка лишь подходит ближе.

– Я люблю тебя, – тихо шепчет она.

– Не выдумывай, – скрипнув зубами, выдавливаю из себя.

– Я не просила невыполнимого. Знаю, что ты никогда не полюбишь меня, но я люблю,

Егор. Я. Люблю. Тебя.

Всё во мне бунтует. Сопrotивляется. Оттого, что заставляю себя устоять на месте, оттого, что больше всего хочется стиснуть в руках и никогда не отпускать.

– Это не любовь. Страсть, желание, одиночество... Всё что угодно. Но не любовь.

– Да откуда тебе знать-то? – горько усмехается она. – Ты же хоть что-то почувствовать боишься, всё бежишь и бежишь... А от себя не уйдёшь. Тут как? Либо любишь, либо нет. Третьего не дано. Я люблю. Ты не любишь.

Она уходит. Не оборачиваясь. Спина прямая. Походка от бедра. Чертовски хочется догнать её. Особенно, когда различаю, как рука взмывает вверх и небрежно касается лица. Смахивает слёзы.

Но нет силы, способной сдвинуть меня с места. Даже пустота, развернувшаяся внутри, от лукавого. Я знаю это.

Невозможно любить причину всех своих бед и горестей. Причину всех потерь. Просто невозможно. И я не люблю её. Не люблю.

Заставляю себя отпрянуть от калитки и скрыться в доме. Сметаю женские вещи в коробки, пока обессиленно не опускаюсь на пол прямо посреди спальни.

Вот и всё. Я снова остался один.

1. Она

Меня зовут Слава, – тихо шепчу я мужчине.

Или только так думаю. Бородач внимательно вглядывается в моё лицо и спрашивает снова:

– Как тебя зовут?

Его голос вызывает вибрацию во всём теле, и боль вспыхивает пуще прежнего.

– Сла-ва, – двумя отрывистыми выдохами произношу я, и реальность ускользает.

Окружающий мир теряет краски, погружаясь во мрак. Усталость и боль окончательно побеждают, и сознание предаёт меня, вверяя в полную власть огромному бородатому незнакомцу.

Где-то на подкорках мозга мигает красная лампочка: *сейчас не время!* Но сил сопротивляться темноте больше нет.

И я надеюсь, что не совершаю свою самую последнюю ошибку, оставаясь без сознания рядом с этим мужчиной, который выглядит гораздо более устрашающе, чем недавние мародёры.

Я никогда не знала своих родителей. С самых моих первых воспоминаний в моей жизни был только дедушка. Мы жили в умирающей деревеньке на севере, численность населения которой из года в год всё ближе стремилась к нулю. Молодые жители спешно покидали свои дома, устремляясь в более крупные сёла и города. Очень быстро я осталась единственным ребёнком на шесть жилых дворов опустевшей деревни.

Здесь не было ни школы, ни поликлиники. Даже транспортного сообщения не было. Примерно раз в три недели прилетал вертолёт с провизией, предметами жизненной необходимости и фельдшером, который осматривал стариков.

Именно она, полная женщина с недовольным лицом, поведала мне, восьмилетней девочке, что где-то за пределами непроходимого леса, болот, рек и степи есть жизнь, так отличающаяся от нашей. Там много детей, школа, магазины. И я дала себе слово, что уговорю дедулю уехать из опостылевшей пустой деревни.

– Ох, Славка, – недовольно протянул дед, стоило мне только поднять эту тему. – Мала ты ещё, как устроена жизнь, совсем не знаешь. Чтобы купить дом, нужны деньги. А таких денег у нас нет.

– Но можно же продать этот дом, – пролепетала я. – И купить там, в посёлке, ближе к городу.

Дедушка рассмеялся, мягко потрепав мою лохматую макушку:

– За наш дом, Славка, не выручишь и копейки!

На том все обсуждения лучшей жизни и переезда были закрыты.

Так я и росла единственным ребёнком в деревне. Под присмотром деда и других стариков-земляков. В часы, когда дедушка ходил на охоту или рыбалку, я вела нехитрое хозяйство, выполняла домашние задания по арифметике и письму, которые задавал дед, читала по тридцать страниц в день и делала зарядку. А всё остальное время я мастерила из палок и тряпья кукол и придумывала для них лучшую жизнь в большом городе.

К моим семнадцати годам дедушка стал слаб на ноги и мне пришлось овладеть премудростями рыбной ловли. Неподальёку от деревни протекала речушка, и два-три раза в неделю, вне зависимости от погодных условий, я ходила туда с самодельными снастями.

В деревне нас осталось трое. Я, дедушка и наша соседка, бабушка Тома. Вертолёт с провизией давно уже не прилетал, лишь изредка в деревню заходили егеря да спасатели.

Я никогда не говорила дедушке, но втайне частенько рассматривала старый атлас и запоминала маршрут. Я не была наивной. Знала, что однажды придёт время, и я останусь последним жителем этой богом забытой деревни. Но я не останусь в ней жить.

Читая романы, как, думаю, и все девушки моих лет, я мечтала встретить свою любовь. Лишённая всех радостей детства и юности, в вечном уходе за стариками, которым я не умела отказать, я мечтала однажды вырваться в тот большой мир и найти в нём своё место.

В один из таких дней, после удачной рыбалки, я наварила ухи, отлила полбанки супа и пошла к соседке. А домой принесла плохую весть: бабушка Тома покинула нас.

Тут же кинулась в здание старого телеграфа. Там сохранился единственный на всю некогда богатую промысловую деревню вид связи с большим миром – древняя радиостанция с рацией. Раза четыре в год дедушка ловил волну воинской части, расположенной неподалёку. Так мы и узнавали новости. Так мы и напоминали о себе.

Я пыталась найти нужную частоту несколько часов, но ответом мне была одна тишина.

Мы с дедушкой остались совсем одни. Никому не нужные. Во всём мире не было человека, кто пришёл бы на помощь, случись какая беда.

Прошло два года. Каждое утро дед напутствовал меня на случай своей кончины. Стояла середина осени, и он верил, что едва ли дотянет до зимы.

Но случилось непредвиденное. Полуденную тишину разрезал резкий тарахтящий звук моторов. Я выбежала из дому и увидела три странные небольшие машины без верха. Их крупные широкие колёса с лёгкостью преодолевали грязь и другие препятствия. Машины остановились у первого дома на нашей улице. Разномастные мужчины спустились на землю и закурили, шумно переговариваясь.

Выглядывая из-под навеса покосившегося от старости сарая, я прислушивалась к разговорам иноземцев. И эти разговоры мне не нравились.

– Берём всё: монеты, побрякушки, столовые приборы, документы, разный раритетный скарб, – сказал один из них. – Прочешем сначала все уцелевшие дома, следом пройдемся с металлоискателями по ним же, после переключимся на руины. А в конце посетим кладбище.

Мужчины звонко рассмеялись, словно слышали хорошую шутку. Но ничего смешного я не видела. Зачем им посещать могилы неизвестных людей?

Насвистывая на разные лады, мужчины разделились на две группы и разошлись в разные дома. И начался невообразимый кошмар.

Грохот, звон битых стёкол, отборная матерщина, крики, ор перемежались с частыми глухими ударами моего сердца. Страх сковывал тело онемением, но я заставила себя вернуться в дом.

– Что там, Славка? – прокричал дед.

– Там какие-то люди. Мужчины. Их шестеро. По крайней мере, столько я видела. Возможно, приедут ещё. – выпалила я, хватая вещи, не глядя и засовывая их в старый армейский рюкзак. – Нам нужно идти, дедушка. Я боюсь, что... они хотят ограбить нашу деревню.

Дед приподнялся на локтях и с жаром зашептал:

– Слава, я не смогу уйти, ты же понимаешь?

– Не говори глупостей, – отрезала я. – Ты уйдёшь со мной. Пойдём лесом, до большой реки. И вдоль неё до моря. А там... ты же знаешь, дедушка, там и моряки есть и посёлок при маяке. Там нам помогут. И мы доберёмся до города.

Я и не заметила, как из глаз брызнули слёзы. Бросилась к дедушке, как в детстве, и он утешал меня, словно я снова разбила коленки.

– Славка, времени мало. Ты должна взять вещи, необходимый минимум, одеться потеплее, но практично и удобно. А ещё, там, в серванте, в блюде с крышкой лежит пакет. Забери.

Там твоё свидетельство о рождении и кое-какие сбережения. И ты должна уйти. Иначе пропадём мы оба.

– Нет, дедушка! – упёрлась я.

– Они надругаются над тобой, девочка моя. Вот, что страшно. А меня могут и не тронуть. Ты должна спасти себя. А потом найдёшь помощь и вернёшься за мной.

Я смотрела в его сморщенное лицо, запоминая каждую морщинку.

– Дедушка, я люблю тебя! – прошептала я, подозревая, что у меня больше никогда не будет возможности сказать ему об этом.

– Я знаю, тыковка. И я тебя люблю. Но теперь ты должна бежать.

Я быстро собрала остатки вещей, которые могли мне понадобиться в большом мире, схватила документы и замерла на месте, сдерживая дыхание. Звук голосов приближался к нашему порогу.

– Слава, – прошептал дед, – живо полезай в подпол!

А дальше всё было как в тумане. Холодный, сырой подвал, заставленный банками, писк мышей, испугавшихся нежданную гостью, вгоняющие меня в ужас тяжёлые шаги, пыль и труха, осыпающиеся сверху. И я в обнимку со старым армейским рюкзаком. В ватных штанах и камуфлированной куртке. С вязанной шапкой, зажатой между зубами, чтобы не проронить ни звука.

От липкого страха кружилась голова, а спёртый воздух лишал возможности делать глубокие вдохи. Стук сердца шумел в ушах, заглушая все остальные звуки. Но мне запомнились сдавленный крик дедушки и тошнотворный хруст.

Я сильнее стиснула зубами шапку, зажмурила глаза и начала отсчитывать минуты, сжимая руки до побеления в крохотные кулачки, которые не смогли бы меня защитить от этих извергов.

Мне казалось, что прошли долгие сотни минут, прежде чем наступила тишина. Для верности я прождала ещё с полчаса, сосредоточенно прислушиваясь к каждому шороху, но мародёры ушли.

Я тихо отворила подпол, выбралась наружу наперевес с рюкзаком. Не глядя в комнату дедушки, прошла к выходу. Отворила дверь. И лицом к лицу столкнулась с молодым мужчиной.

– О-па! – тихо присвистнул он, делая шаг навстречу. – Вот так сюрприз!

Я отходила спиной назад, пока не упёрлась в стену. А он надвигался на меня.

– И где же ты пряталась, малышка? – спросил незнакомец, хватая пальцами мой подбородок.

От бессилия и страха я уронила тяжёлый рюкзак на пол.

– Т-ш-ш, – недовольно скривился мужчина. – Я тебя нашёл. Не хочу делиться, пока не наиграюсь.

Он отступил немного в сторону, расстёгивая куртку, и в этот момент я побежала в зал. Глупая! На что надеялась? Думала, успею открыть окно и выпрыгнуть на задний двор, но не тут-то было.

Мужчина нагнал меня вмиг и повалил на пол. Попытался стянуть с меня штаны, но туго стянутый на талии пояс не позволял ему так просто сделать это.

Я металась, желая скинуть с себя тело этого подонка. Мой взгляд кружил по комнате, пока не наткнулся на ружьё деда, спрятанное под софой. Я приложила все усилия, дотянувшись до него рукой и что есть силы ударила нападавшего прикладом по голове.

Он замер. Его глаза распахнулись в удивлении. А потом он кулем обрушился сверху. Не с первой попытки мне удалось выбраться из-под него. А дальше я не думала. Кинулась к окну. Распахнула нараспашку. Выпрыгнула на улицу. И понеслась в сторону леса.

Я молилась лишь об одном: чтобы меня не бросились догонять. Но судьба оказалась на моей стороне. Мне удалось оторваться по лесу, который я знала, как свои пять пальцев, удалось добежать до большой реки. Я не останавливалась. Бежала-бежала-бежала. Вниз по течению. Огибая кусты, запинаясь, едва не падая. Но не было силы, способной меня остановить.

Зря я так считала.

Я бежала из последних сил. Не чувствуя ног от усталости. Мои лёгкие горели от частых быстрых вдохов. Горло жгло болью от каждого глотка сырого холодного воздуха. Пронизывающий ледяной ветер с Белого моря, казалось, пытался сбить меня с ног. И я была уверена, что в скором времени ему это удастся.

Я услышала неясный шорох. Повернула голову влево, и восклик ужаса застыл на моих губах. Оленёнок. Это всего лишь животное. Которое боялось меня куда больше, чем я его.

С беспокойством обернулась, не притормаживая ни на мгновение. Но тут же вернула взгляд в сторону наострившего уши животного. Оленёнок странно сгруппировался, напрягаясь всем телом, и грациозно скакнул вперёд. А потом помчался, больше не останавливаясь, куда-то в сторону материка.

И мне бы уже тогда подумать, что его поведение неспроста, но мозг отказывался соображать. Сколько я пробежала? С самого утра, а сейчас сумерки уже опускались на землю. Силы были на исходе, но страх гнал меня вперёд.

За спиной я услышала грозный рык. Сначала мне показалось, что это галлюцинации. Я читала, что от усталости такое часто случается. А я устала. Смертельно. Невыносимо. Я бы просто свалилась без ног, если бы не боялась, что *они* рыскают в поисках меня.

Но рык, леденящий душу сильнее северных ветров, раздался снова. Слева от меня пронёсся тёмный размытый силуэт и замер, преградив мне путь.

Два огромных жёлтых глаза, что уставились на меня, принадлежали огромной лохматой собаке. Её шерсть смешно топорщилась в разные стороны, и я бы рассмеялась, если бы не одно «но». Её пасть, растянутая в дикий, безумный оскал. Острые, как кинжалы, зубы, которые бряцали друг об друга от желания вцепиться в добычу.

И этой добычей оказалась я сама.

Я затормозила. Еле удержала вопль панического ужаса. Собака обнажила клыки, глухо рыча и подбираясь ближе, и я попятилась назад. Опрометчиво повернулась спиной и собралась пуститься наутёк, да только и метра преодолеть не смогла.

Челюсть сомкнулась на мягких тканях бедра, с лёгкостью прокусив насквозь ватные штаны от дедушкиного камуфлированного костюма, и я рухнула оземь.

С пугающей пустотой на душе я взирала на горизонт. В голове билась одна мысль: ради чего мне удалось спастись от рук негодяев? Чтобы меня загрызла до смерти бешеная псина?

Мне было горько и несправедливо от такой судьбы. Из глаз хлынули реки отчаяния. Я выла в голос, и ветер разносил мои вопли на многие километры вокруг.

Мои жалкие попытки отбиться от животного лишь больше его злили. Собака раз за разом терзала мою плоть. Каждый укус вспыхивал адским пламенем боли, и я мечтала поскорее умереть.

Мне показалось, что на горизонте возник некий образ. Возможно, подсознание жестоко обмануло меня, но из последних сил мне удалось поднять руку в воздух и охрипшим голосом крикнуть: «Помогите!».

Слышал или нет? Понял ли, что кто-то здесь нуждается в его помощи? Или *он* – всего-то мираж, галлюцинация, созданная моим подсознанием?

Первые мгновения не происходит ровным счётом ничего, но тут же ветер доносит до меня грубый мужской голос: «Дик, взять!».

С глухим рыком за моей спиной собака отрывается от своей добычи – от *меня* – и кидается вперёд.

Я встаю на четвереньки и отползаю назад, пячусь как можно дальше, глядя на огромную тушу, что несётся прямо на меня. Это белый пёс размером с пони. Просто монстр. Его челюсть способна перегрызть меня на пополам. Я никогда прежде не видела таких больших собак. Даже не подозревала об их существовании!

Потрёпанная шавка смотрится рядом с благородным псом щенком. Наверно, поэтому она трусливо поджимает хвост и уши, раздумывает несколько мгновений и бросается наутёк.

Теперь между мной и машиной для убийств нет преграды. Пёс подбегает ко мне на всей скорости. Я закрываю глаза от ужаса, но ничего не происходит.

Горячее тархтящее дыхание касается моего лица, и я открываю глаза. Пёс рассматривает меня с любопытством, словно какую-то зверушку. Раздумывает, как подступиться? Или это просто игра перед нападением?

Мы смотрим друг на друга, пока в поле моего зрения не возникают грубые мужские сапоги, болоньевые штаны, и низкий, грубый голос не говорит:

– Хороший мальчик. Молодец.

Огромная ладонь ложится на мохнатую макушку, и я судорожно вздыхаю, падая на землю. Но меня тут же подхватывают эти самые огромные ладони.

Пёс глухо рычит, напрягаясь от резкого движения своего хозяина.

– Заглохни, – приказывает тот, помогая мне принять вертикальное положение.

Разглядывает меня. А я его.

Огромный исполин. Богатырь. Самый настоящий. Буравит меня взглядом тёмных глаз. Он гораздо старше меня. Его лицо покрыто густой жёсткой бородой. За ней не видно его губ. Даже если улыбнётся, это будет незаметно. Но он не улыбается. Он хмурый. Слишком серьёзный. Сосредоточенный.

Руки, удерживающие меня всего мгновение назад, исчезают, и я снова обрушиваюсь на землю, падая на колени. Боль в растерзанном собакой бедре кажется мне невыносимой.

– Твою мать! – резюмирует незнакомец, склоняясь надо мной. – Идти ты не можешь.

Смотрю на него, как на идиота. Разве он не видит кровь повсюду? Разве не понимает, что со мной произошло?

– Как тебя зовут? – спрашивает он.

Меня зовут Слава, – тихо шепчу я мужчине.

Или только так думаю. Бородач внимательно вглядывается в моё лицо и спрашивает снова:

– Как тебя зовут?

Его голос вызывает вибрацию во всём теле, и боль вспыхивает пуще прежнего.

– Сла-ва, – двумя отрывистыми выдохами произношу я, и реальность ускользает.

Окружающий мир теряет краски, погружаясь во мрак. Усталость и боль окончательно побеждают, и сознание предаёт меня, вверяя в полную власть огромному бородатому незнакомцу.

Где-то на подкорках мозга мигает красная лампочка: *сейчас не время!* Но сил сопротивляться темноте больше нет.

И я надеюсь, что не совершаю свою самую последнюю ошибку, оставаясь без сознания рядом с этим мужчиной, который выглядит гораздо более устрашающе, чем недавние мародёры.

Вспышками в моей голове возникают образы. Меня покачивает на волнах. Меня несёт куда-то далеко. И я думаю, что если *он* просто скинул меня в жадные волны Белого моря? Но я чувствую тепло близости. Оно окутывает меня с головы до ног. Я чувствую безопасность.

В данный момент времени я в безопасности рядом с *ним*. Что ждёт меня дальше? Я не знаю. Мне остаётся лишь предполагать, что этот огромный, пугающий меня незнакомец не бросит попавшую в беду девушку.

2. Он

– Спасибо, что заскочила перед отъездом, – я поднимаюсь с постели, не утруждаясь прикрыться.

Так и иду голый на кухню. Включаю чайник. Морщусь от звука шагов босыми ногами.

– Егор...

Знаю всё, что она хочет мне сказать. Как и она знает, что мне насрать на все её слова.

– Лен, собирайся, а то опоздаешь. Михалыч ждать не будет, ты же знаешь.

– Ты мог бы из вежливости предложить остаться, – упрямо говорит она.

Разворачиваюсь.

– Я хоть раз звал тебя? Нет. Ты всегда приходишь сама. Знаешь прекрасно, что не попрошу остаться, что сам не кинусь догонять. Меня это не интересует. Ты предложила захватить, как будешь навещать родителей, я не отказался. Я пойму, если ты перестанешь это делать. – Обида так явно читается в её взгляде, что я смягчаюсь. – Правда, понимаю. Но и ты меня пойми. Я *никогда* и *никого* не буду просить быть рядом, потому что мне ничего этого не нужно. Я живу в такой непроглядной тьме, и нет никаких надежд, что однажды это изменится.

Лена поджимает губы. Она резко разворачивается на пятках и скрывается в коридоре. Я отслеживаю покуда возможно её обнажённые ягодички и вздыхаю.

И почему бабам так нравится всё усложнять? Нормально же трахались с периодичностью безудержно в каждый её приезд. Нет, надо было заводить каждый раз свою дурацкую шарманку и звать меня на материк!

– Я не знаю, когда приеду в следующий раз, – слышу за спиной.

– Хорошо.

– До свидания, Егор.

– Удачи, Лен.

Меня утомила эта связь. Чем дольше она длится, тем сложнее мне из неё выпутаться. Почему Лена отказывается принимать мою жизненную позицию? Ах, да. Потому что я должен снова открыть своё сердце для любви.

Её мнение. Не моё. У меня не то, что мнения нет, так и сердца не осталось. Есть какой-то *орган*, который упрямо продолжает качать кровь. Мне остаётся только удивляться, зачем, с какой целью это продолжает происходить.

Я не прошу ответов у кого-то свыше. Знаю прекрасно, что там никого нет. А Лена твердит, что мне нужно отыскать в своей душе чуточку веры. Глупая, наивная женщина! Во мне и души-то не осталось. Всё разложилось давно под гнётом обстоятельств. Я пуст. Тело продолжает жить, когда сам я давно умер.

Лена просит увидеть свет. Мол, она и есть луч в том тёмном мире, который окружает меня. Я лишь закатываю глаза. Единственный свет, что я способен увидеть, это свет старого маяка. Как и любой зрячий житель посёлка.

Одеваюсь и выхожу из дому. Ветер пахнет влагой. Сегодня-завтра выпадет снег. Суставы ломит на непогоду, но я стараюсь не обращать внимания на такие мелочи жизни. Лишь досаду. Я *чувствую*, *значит*, я *существую*.

Дик при виде меня заходится приветственным лаем. Открываю вольготный вольер, и пёс бросается ко мне.

– Размяться хочешь? Ну пойдём прогуляемся до метеостанции.

Дик весело виляет обрубок хвоста, наостряет купированные уши, но послушно идёт рядом.

– Как дела, Егорушка? – спрашивает соседка.

– Пока не помер, баб Мань, – кричу в ответ.

– Типун тебе на язык! Совсем *пацан*, на тебе ещё пахать и пахать, а всё туда же. – кричит старуха. Пацан, как же! – Женился бы ты на Леночке, страдает девка!

Пропускаю её тираду мимо ушей и продолжаю движение. Дик лениво вышагивает рядом со мной, но я вижу, что он уже совсем засиделся без должной активности.

– Сейчас технику проверим, а завтра засветло сходим и разомнёмся, – обещаю четырёхлапому другу.

Метеостанция автоматизированная, но в последнее время электричество в посёлке барахлит. Поэтому я и вызвался периодически заходить. Поэтому и от смертельной, невыносимой скуки.

В этом месте на краю мира у мужчины вроде меня всего-то три пути: промышлять охотой и рыболовством и сбывать всё это на материковой части, подвизаться с помощью на метеостанции и/или маяке, либо спиться. Можно уехать, вернуться домой. Но этот вариант наиболее бесперспективный.

Раньше я пил до отключки сознания. Теряя человеческий облик. Мечтая о том, что всё это просто закончится. Ибо покончить со всем разом не хватало сил и смелости.

Я всё думал: а что, если ад и рай всё-таки существует? Что, если там, за гранью, в своей загробной жизни, я по глупости не встречу со своей семьёй?

Дик издаёт глухое тарахтящее рычание и подходит вплотную. Пёс упирается лбом своим деревянным в мой живот. Чувствует, гад. Всё понимает. *Жалеет*.

Отгоняю мысли мрачные прочь. Покуда не подох, придётся маяться. Ноги стаптывать. Доживать. В моём пустом и беспросветном мире. Здесь, на берегу Белого моря. На северных ветрах. Недалеко от места, где судьба разделила мою жизнь на счастливое *до* и невыносимое *после*. И нет ни единого шанса, что когда-либо я смогу стать цельным.

Обратный путь до дома проходит в сгущающихся сумерках. Иду длинной дорогой. Мимо дома смотрителя маяка. Иван Никанорович сильно сдал в последнее время, и я негласно шефствую над стариком. Зачем мне это надо? Да чёрт его знает! Видать, совсем скука смертная одолела. Видать, одиночество потихоньку сводит с ума. Но менять что-то? Увольте! От всего в жизни я отказался, лишь бы только не испытывать больше ничего подобного.

Пожрать – что попроще. Секс – доступный, без обязательств. Лишь стравить давление. Выплеснуть семя. Чистая физиология. Ни грана чувств.

Избушка Никанорыча сверкает, чисто новогодняя ёлка. Я отпускаю напряжение и следую дальше.

– Егор! – слышу голос, но делаю вид, что нет. Не хочу говорить. Не в том настроении. – Егор Шамицкий!

Застываю как вкопанный. Разворачиваюсь медленно.

– Здоров, дед Иван!

– Здравствуй, Егорушка. Как ты? Давно тебя не видал.

– Дела закрутили, – неопределённо говорю и развожу руками.

– Знавал я твои дела, – кричит дед. – Савельевы Ленку свою уже поедом едят. Что вы должны али жениться, али прекращать ваши любовные игрища.

– Значит, пора прекращать, – серьёзно киваю ему.

– Ох, Егорушка, послушай старика...

– Иван Никанорович, – пресекаю сразу. – Мне это не интересно. Спасибо, но я разберусь как-нибудь сам.

Он недовольно цокает, горбится и уменьшается в размерах. Старее ещё больше, покуда это возможно.

– Дед Иван, я тебя уважаю, но и ты меня уважь. Не могу я. Да и попросту не хочу. – смягчающе поясняя старику. – Сиди дома, дед. Сегодня я зажгу фонарь.

– Спасибо, Егор.

– Да не за что, – отмахиваюсь.

Не такое уж и великое дело.

– Всегда есть за что, – не соглашается старый смотритель.

Под его внимательным взглядом я тяну Дика в сторону маяка.

Мы преодолеваем восемьсот разбитых ступеней, и вскоре мир вокруг вспыхивает ярким жёлтым светом.

Единственным, что озаряет мою больную душу.

Возле дома меня поджидает сюрприз. Лена. Расхаживает от калитки до крыльца. Туда и обратно.

– Кажется, ты должна быть уже на материке. Дома. – говорю издали, придерживая Дика.

По немыслимым, необъяснимым причинам моему псу не нравится эта женщина. Алабаи для меня удивительные, тонко чувствующие создания. И я присматриваюсь к поведению Дика чаще, чем к поведению немногочисленных людей в своём окружении.

– Семён Михайлович не дождался. Завтра Шурик с утра отправится на работу и подхватит меня, – оправдывается она.

Словно мне нужны эти оправдания!

– И?

– Я пришла к тебе.

– Ступай к родителям, Лен.

– Мы могли бы провести вместе чудесный вечер... Я приготовлю ужин, посмотрим кино, потом – займёмся любовью... Давай сделаем хоть раз по-человечески, может, тебе да понравится?

– Меня не интересует это всё, ты же знаешь!

– Просто попробуй. Пожалуйста, Егор. Мы топчемся на месте уже два года. Нужно двигаться дальше...

Дальше?! Куда двигаться, если всё, чего я отчаянно желаю, это умереть? Всё, что у меня было, я потерял. Невозможно забыть целую вечность и заменить потерю чем-то другим. Не бывает так в жизни.

– Двигайся дальше, Лен. Я же не держу.

– Ты такой эгоист, Шамицкий! Я думала, тебе нужно время. Я ждала. Я приходила, была любовницей, *подстилкой*, а ты ни разу даже не предложил задержаться до утра!

– Я предупреждал, Лена. Я сразу предупредил тебя, что мне нечего тебе предложить. Ты думаешь, если бы я нуждался в чём-то большем, я бы не свалил отсюда? Меня устраивает моя жизнь. Я хочу просто скоротать время. Столько, сколько отмерено. Больше мне не нужно ничего.

Она разочарованно смотрит на меня несколько минут, а потом идёт к калитке.

– Если одумаешься, у тебя есть мой адрес. Я забираю родителей на зиму на материк. А весной... даже не знаю, будут ли меня интересовать такие отношения.

Она меня напугать решила, что ли? На понт взять? Качаю головой, подгоняя Дика к вольеру.

На меня не действуют *такие* штучки. Наивно полагать, что я брошусь перекраивать свою размеренную жизнь из-за её глупого ультиматума.

Мне нравится влачить такое существование. Мне действительно не нужно большего. *Больше* не нужно. Ведь, когда я всё потерял, меня перестала заботить эта мишура.

Наскоро ужинаю супом, потому что не хочу готовить что-то другое, и возвращаюсь к своему ремонту. Чёрт его знает, зачем затеял, но хочу завершить до зимы.

Отделил часть комнаты под санузел в доме. Новшество для этой глубинки. Жизненная необходимость для суровых зимних условий.

В прошлом году зима была длинная и снежная. В этом – обещают такую же, если не хуже. Вот и решил как-то озаботиться постройкой. Всё лето менял старые трубы. Сам. Поэтому долго. Не имея опыта, приходилось переделывать, и не раз.

Но сейчас я на финишной прямой. Последние приготовления к установке унитаза и душевой кабины.

Выкрою время для поездки на материк, затарюсь продуктами и перезимую по-людски. Впервые с того злополучного дня.

Вожусь до поздней ночи и всё равно не могу уснуть. Сумятица неясная на душе. Словно предчувствие неминуемого. Неужто пришёл мой срок? Или о чём так настойчиво зудит в мозгу?

Так и пялюсь в потолок, считая всполохи жёлтого света маяка, до самой зари. Что-то *должно* случиться. Сегодня. Я чувствую. Но что, где, когда, с кем? Это мне неизвестно.

Едва светает, я собираюсь и иду на маяк. Отключаю систему, навещаю деда Ивана. Завтракаю. А потом собираюсь в путь.

Дик заходится лаем в ожидании и довольно вытягивается при виде ружья. Почему бы не совместить приятное с полезным? Может, поймает *кого*.

Сырой, промозглый ветер продувает насквозь, но чего не сделаешь ради близкого друга. Даже если это всего лишь старый пёс, который прошёл вместе с тобой все невзгоды.

Мы огибаем сопку, и я даю ему волю. Шансы встретить других людей здесь минимальны. Потому я не переживаю, когда Дик уносится на добрые сотни метров. Он – охотник. Не комнатная болонка. Ему необходимы частые длительные прогулки.

Раньше я ходил на охоту. Раньше я *жил*. Сейчас существую. Сейчас я только создаю видимость.

Спустя семь километров делаем привал. Я достаю из рюкзака миску, бутылку воды, бутерброды и пакетик корма. Я отвратительный хозяин. Но пёс с удовольствием чавкает рядом со мной. И мы выдвигаемся дальше.

После очередной сопки Дик напряжённо выпрямляется и устремляет взгляд куда-то вдаль. Пытается резко рвануть, но я приказываю идти рядом. Возможно, это зверь. Не исключено. Но я не тороплюсь исключать и другую вероятность. Это может быть и *человек*. Вот только *добрые* люди в этих местах встречаются редко. Поэтому я снимаю с предохранителя ружьё, готовый к любому повороту.

Так мне кажется. Но я абсолютно не готов.

Я понимаю, что мы близко, по поведению Дика. Он тянет меня туда, где чует следы или присутствие того, что вызывает у него нешуточный интерес.

Я вижу размытый силуэт. Для волка слишком мелкий. *Собака*, – решаю я. Присматриваюсь внимательнее, пытаюсь обнаружить признаки бешенства. Чем чёрт не шутит! Мне не хотелось бы потерять друга из-за глупой псины. Которая, к слову, треплет свою добычу.

Думаю даже, дать круг и обойти эту собаку стороной.

Но вдруг в воздух взмывает рука, и я застываю. Ветер доносит до меня нечеловеческий, полный ужаса и страданий крик: «Помогите!».

Я даже и не размышляю ни единого мгновения. Тут же спускаю Дика с привязи и отдаю приказ взять.

Лишь запоздало, пока бегу за Диком, думаю, как бы он не пострадал и как бы это не оказалось хитрой ловушкой.

Но первое переживание смело отбрасываю в сторону, когда шавка сбегает, трусливо поджав хвост. И я внимательно осматриваюсь по сторонам.

За свою жизнь я много кем побывал, но и военная школа за спиной имеется. А там я грыз как орешки одним зубком такие ситуации и обнаруживал засаду по щелчку пальцев. Прислушиваюсь к себе, но не вижу ничего подозрительного. Моя интуиция молчит, и я думаю: что, если я больше не чувствую опасности, потому что в глубине души *мечтаю* умереть? Или это бессонная ночь напоминает о себе?

Тут же вспоминаются вчерашние мысли и предчувствия. Неужели эта встреча и есть то, чего я ждал?

Бросаю быстрый взгляд в небо и приближаюсь к *человеку*. Ещё издали вижу камуфлированный костюм. Сейчас таких не носят, но это ничего не значит. Неподалёку есть военный полигон. Наверняка, там ещё много барахла советских лет. Наверняка, *пацан* оттуда. Дезертир. Сбившаяся шапка натянута до самых бровей. Насупленный взгляд полон испуга. Под слоем пыли и грязи проступает и кожа. Лицо слишком бледное, почти мертвенное.

Один беглый взгляд на пятна крови на пожелтой траве, и я вздыхаю. Потеряет сознание – возись потом с ним! Но я возвышаюсь над юнцом и спрашиваю:

– Как тебя зовут?

Смотрит раздражающе и беззвучно раскрывает губы. Станный малый. Несуразный. Слишком ладный. В армии таких недолюбливают. Поджимаю губы, понимая, что над ним могли и надругаться. Тогда просто вернуть его в часть не получится так *просто*.

Чёрт, заскучал ты, Егорушка, – думаю я. – *Коли решил взвалить на себя миссию по спасению юнца*.

Как, скажите на милость, можно кого-то спасти, когда внутри пусто, словно после ядерной войны?

– Как тебя зовут? – настойчиво спрашиваю снова.

По опыту военных лет знаю, что при ранениях и болевом шоке очень важно оставаться в сознании.

– Сла-ва, – тихо произносит юнец и отрубается.

Вот засада! Я окидываю взглядом шуплое тело пацана и с лёгкостью – словно и не весит ничего – подхватываю его на руки. Не бросать же!

Дик весело виляет купированным хвостом, смотрит одобрительно и улыбается во всю собачью пасть. По душе, значит, такое приключение?! Вот же негодник!

Пёс вышагивает с важным видом подле меня. Бросает частые взгляды. Словно всерьёз думает, что я брошу эту странную находку. А стоит мне на секунду остановиться, чтобы перехватить ношу, как он недовольно скалится.

– Порычи ещё, – рявкаю на него.

Так, что от звука моего голоса пацанёнок приходит в движение. Густые ресницы подрагивают. В меня впивается пронзительный голубой взгляд. Ну чисто глубинные воды морские. Надо же!

– У вас есть вода? – хрипло спрашивает у меня.

– Есть. Поставлю тебя, не упадёшь?

– Постараюсь, – после коротких раздумий кивает мне.

Медленно опускаю его на землю, поддерживая под руку. Одной рукой стягиваю лямку рюкзака и достаю термос с чаем. Хоть на травах отвар с заваркой, да сладкий. Питательнее пустой воды.

Пацан жадно пьёт из крышки. Дик расхаживает вокруг да около и принюхивается, но не пытается приблизиться. Но Слава смотрит искоса, опасаясь моего пса. Переминается с ноги на ногу, пока я снова загружаю рюкзак, и бледнеет.

– Болит?

Хмурый кивок.

– Сильно?

– А сами-то как думаете? – огрызается он.

Силёнок-то поприбавилось! Я хмыкаю и отпускаю его локоть. Будто только на нём и держался, он тут же норовит рухнуть на землю. Приходится подхватить.

– Вот что, *Славик*, – протягиваю, поглядывая на него. – Давай-ка ты наденешь мой рюкзак, а я подхватываю тебя на спину? Так пошустрее доберёмся, раз идти ты не можешь.

– Вы уверены, что это будет удобно? – с сомнением спрашивает малый.

– Другого выбора у нас нет, – вздыхаю я.

– Наверно, – тихо говорит он и смотрит на меня во все глаза.

Чего смотрит? Да не понятно. То ли приглядывается, опасаясь за свою жизнь, то ли ждёт, когда посыплется вопросы. Не вызываю доверия, значит. Это правильно. В наше время доверять первому встречному попустительство и несусветная глупость. Я ему тоже не доверяю.

Хоть малец и выглядит слабым и недокормленным – кто его на службу-то взял?! – однако, никто не мешает ему носить во внутреннем кармане ватника заточку. И вогнать её в меня при первом удобном случае. Поэтому, можно сказать, и я к нему приглядываюсь.

Лицо пацана в испарине. Того и гляди снова сознание потеряет. Нужно торопиться. Осмотреть укусы. Возможно, придётся искать катер, чтобы попасть на материк. Да там его можно и скинуть. В больничке. Или в полиции.

Точно. Так и надо поступить!

– Ну давай, Слава, – приговариваю, помогая тому взвалить на спину рюкзак.

С лёгкостью забрасываю на собственную спину и его самого. Но тут же понимаю всю тщетность задумки – за разорванное бедро не уцепишься!

– Чёрт, – с досадой сплёвываю я. – Придётся вернуть всё обратно.!

Нравится – не нравится, а придётся. Чесать ещё прилично. Хотя и не удобно, а всё же я подхватываю на руки его тело, игнорируя пронзительный ледяной взгляд.

Наверное, что-то нужно сказать. Как-то утешить. Но нет во мне утешения. Невозможно подобрать нужных слов, когда в душе твоей совсем не осталось веры.

Пацан прикрывает глаза, а я диву даюсь. Это ж надо, иметь такие ресницы! Для мужика быть смазливый – проклятие. Только, разве что, бабы клюют. И то не на таких хилияков.

Раньше таких в армии шпыняли. Да и сейчас, мне кажется, недалеко ушло. Могли ли его обидеть настолько, что решил на побег? Конечно. Иногда ценой свободы выбираешь спасение. Иногда просто нет другого выбора.

– А вас как зовут? – спрашивает тихо.

– Егор. Сколько тебе лет?

– Девятнадцать, – отвечает и устало прикрывает глаза.

Я понимаю, что раздирающая боль отнимает все силы. И хочется сказать: отдохни, расслабься, но и мне же хорошо известно, до обработки ранения лучше быть в сознании. Но не тормозить же его! Придётся разговорить:

– Тебе не дашь девятнадцати.

– Я знаю, что выгляжу моложе. А, вообще-то, мне почти двадцать, – обиженно говорит пацан. – А вам?

– А мне – почти сорок, – усмехаюсь я.

– Выглядите старше, – придирчиво смотрит на меня. Да так, что мне не по себе становится. – Борода старит.

И снова обмякает, прикрывая глаза. Ладно, чёрт с ним. Главное, в себе, так что пусть отдыхает. Тащить бездыханное тело в разы возмутительнее. А так... ну отдыхает.

Так и иду с пацанёнком на руках, а Дик весело отплясывает рядом. То убежит на добрую сотню метров, то несётся на меня галопом и заискивающе поглядывает в глаза. Уж не считает ли мою ношу добычей? Зверьком лесным?

Я усмехаюсь в густую бороду, и пацан вздрагивает. Его тело бьёт мелкой дрожью. Замёрз? Продрог? Или от боли сводит судорогами? Не спрашиваю, ибо ни помочь, ни ускориться не могу. Далековато от посёлка я его обнаружил. А ему и вовсе повезло, что мы с Диком отправились на прогулку. Иначе псина изголодавшаяся растерзала бы до смерти, и поминай как звали.

Примерно за три километра останавливаюсь перевести дыхание. Смотрю в лицо новому знакомцу и гадаю, что с ним делать. По хорошему счёту, нужно узнать, кто он и откуда взялся. Если догадка верна, то как ни крути, а путь один – свезти в полицию. А там уж они пускай разбираются, от чего бежал служивый.

А если неверна? – настойчиво зудит в голове, и я хмурюсь от собственной мысли. Здесь на полсотни километров поселений раз-два, да обчёлся. И те уже умерли. А вот часть воинская есть. Функционирует. Поэтому в моей голове лишь прочнее укореняется мысль, что пареньёк – дезертир и сбежал не от лучшего отношения.

Он снова открывает глаза и внимательно осматривается. Губы дрожат так, что зуб на зуб не приходится.

– Холодно? – решаю всё-таки уточнить.

– Да. – кивает, глядя мне прямо в глаза, и припечатывает: – И больно.

– Что ж, понимаю. Но придётся потерпеть. При благоприятном исходе доберёмся за час-полтора.

Три километра – это фигня. Быстро преодолеем. Основной тяжёлый путь позади, а впереди... Да чёрт его знает, куда заведёт эта дорога.

Для себя я решаю, что первую помощь окажу, на ночь остаться позволю, а наутро свезу на материк. В больницу. А там и в полицию, в зависимости от рассказа пацана.

К концу пути мои силы на исходе. Даже не забочусь о том, чтобы пристегнуть поводок к ошейнику. Но и Дик, словно понимает всю серьёзность ситуации, важно шагает рядом со мной и не смотрит на зазевавшихся прохожих. Те же, зная мою нелюдимость, не решаются задавать вопросов, хоть и провожают любопытными взглядами нашу странную процессию.

На своей территории за высоким забором я бросаю:

– Дик, место! – а то этот деловой добытчик уже норовит пробраться к крыльцу.

Захожу в дом, сразу в спальню, чтобы было больше места. На большой плоскости кровати удобнее, чем на собранном диванчике. Нужно же оценить для начала причинённый ущерб!

– Самостоятельно разденешься или помочь? – спрашиваю, опуская наконец ношу на пол.

– Совсем? – нерешительно переспрашивает у меня, опешив.

– Надо осмотреть и обработать антисептиком места укусов. Времени прошло слишком много, боюсь, что заражения не избежать в любом случае, но минимизировать последствия мы можем.

– Ла-а-а-дно, – странно протягивает в ответ и отворачивается.

Я даю столь необходимое ему пространство, рыская по дому в поисках того, что может понадобиться, и попутно сбрасывая уличную одежду. Наскоро натягиваю спортивные штаны, которые использую в качестве домашних, и меняю потную футболку на сухую.

– Готов? – захожу в комнату и проглатываю собственный язык.

На месте чумазого паренька в военной униформе застыла ладная фигура незнакомки в грудe одежды, небрежно сброшенной у ног. Тёмные волосы практически до самого пояса полностью прикрывают спину. Но руки, неестественно выпрямленные вдоль тела, до запястий окутаны хлопковой тканью тельняшки.

И только изуродованное собачьей пастью правое бедро, хлопковые трусы, изорванные клыками да окровавленные, говорят мне, что так феерично я не обманывался ещё ни разу в жизни!

– Ты не парень, – зачем-то говорю несусветную чушь, и девушка оборачивается.

Не смотри, не смотри, не пялься! – приказываю себе. Но взгляд упрямо очерчивает длинные худые ноги с острыми коленками, плавный изгиб бёдер, тонкую талию, крохотную грудь. Девчонка складывает руки крест-накрест, прикрываясь от моего взгляда, и отвечает:

– Думаю, это очевидно. Я не парень.

– Слава? – с усмешкой бросаю ей.

– Милослава, Слава... Да какая разница?! – голос охрипый, вероятно, накричалась или просто наглоталась холодного воздуха. Вот и не услышал я тоненьких колокольчиков, которые нет-нет, а пробиваются в её взволнованном тоне.

– Никакой, – хмуро киваю ей и подхожу ближе.

На данном этапе мне действительно нет никакой разницы. Да и разве знание, что Слава не парень, не потенциальный дезертир, позволило бы мне просто бросить её на погибель?

3. Она

Я смущена. Взгляд этого огромного мужчины касается моих ног и скользит выше. До самой груди. Которая непривычно наливается вдруг тяжестью и ноет.

Я думаю, это естественная реакция – прикрыться, спрятаться. Поэтому складываю руки крестом у груди. Но не отвожу взгляда.

Он, что же, решил, что я – парень? Из-за имени или из-за дедушкиной военки? Или я настолько непривлекательна для противоположного пола, что он принял меня за юношу?

Он хмурится. Даже сильнее, чем во время нашего долгого пути сюда. Меж тёмных густых бровей пролегает складка, искривлённая и глубокая, и мне хочется стереть её своими пальцами.

Мужчина надвигается на меня. Он раза в три крупнее и раза в два старше. Он сказал: *почти сорок*. Он сказал: *Егор*.

Он подаёт мне руку и смотрит выжидательно. Нерешительно вкладываю свою руку в его раскрытую ладонь, и он помогает мне лечь поперёк кровати.

Если бы не его поддержка, мне пришлось бы упасть навзничь. Не уверена, что эта жгучая боль не вспыхнула бы с новой силой. По моим ощущениям чёртова шавка просто откусила добрую половину моей филейной части. Господи, как стыдно-то!

Даже дедушка меня *не рассматривал* так близко как Егор уже довольно давно. А мужчина устраивается на полу, в считанных сантиметрах от моих бёдер, и *рассматривает*.

От него исходит жар, от которого внутри меня бушует незнакомое пламя. Он сосредоточенно пыхтит в районе моих... хм... ягодич. А когда он нерешительно касается меня и – о Боже! – сдвигает мои трусики немного вбок, из моего дурацкого рта вырывается с шумным свистом какой-то звук, тоже непривычный ранее до этого момента. И я вынуждена до боли закусить губу, чтобы *ничего такого* не повторилось.

Я не понимаю реакций своего тела и импульсов, которые посылает мне мозг. Что со мной происходит? Если это благодарность за спасение, то почему всё во мне наливается тяжестью в ответ на каждое аккуратное прикосновение? Почему, вместо расслабления, я чувствую *напряжение*?

Казалось бы, меня должен пугать этот мужчина. Но он меня не пугает. Разве *действительно* злой человек станет тащить на руках несколько часов кряду незнакомца? Разве приведёт его в своей дом? Поможет?

Поэтому я не испытываю страха в классическом его понимании. Нет той невыносимой жути, которая охватила меня при встрече с собакой. Или ранее, когда мародёр распластал на полу. Или когда *они* убили дедулю.

Я *взволнована*. Да, думаю, это подходящее название.

Предложение Егора *раздеться* не испугало меня. Взволновало. Щеки обожгло румянцем. Сердце сделало кульбит. Мне не было тревожно, что этот исполин *надругается* надо мной. Но осознание интимности сложившейся ситуации взволновало меня.

По понятным причинам у меня не было опыта общения с противоположным полом, кроме дедушки и других стариков, пока те ещё были живы. Но что-то мне подсказывает, что *этот* мужчина не смотрит сквозь призму тесного родства или доброго соседства. И почему-то мне хочется, чтобы он видел меня привлекательной девушкой, а не покусанным жалкой психичной *парнем*.

И если с очевидным всё и так ясно, то как понять, что нравишься мужчине, я не знаю.

– Милослава, – моё имя звучит незнакомо на устах Егора. – Сейчас я полью антисептиком. Тебе будет больно.

Он предупредительно заглядывает мне в лицо, прежде чем начать. И я киваю, глядя в его серьёзные тёмные глаза.

Тонкая холодная струйка касается голой кожи и спускается на места разрывов мягких тканей. От того, как жётся моя плоть, как образуется в местах разрывов мягких тканей адское пекло боли, перед глазами начинают плясать чёрные мушки. Кажется, я всхлипываю и плачу.

А он всё льёт и льёт лекарство, промывая раны. Только теперь мужчина *дует* на меня. Что? Я максимально поворачиваю голову назад, чтобы увидеть, как этот богатырь складывает губы трубочкой и раз за разом выпускает струйки воздуха, пытаюсь облегчить мою боль.

Огромный ком образуется в груди и не даёт дышать. Он поднимается к моему горлу и вырывается каким-то жутким воем.

Наваливается всё сразу: появление незнакомцев, происшествие в доме, усталость от длительного побега, изнемождённость от встречи с собакой. Меня сотрясает в рыданиях. Стыдно. Очень стыдно. Но прямо сейчас, рядом с ним, с Егором, я чувствую себя под защитой, в безопасности, слабой, и даю волю слезам.

– Чёрт, – бормочет мужчина, откладывая бутылочку с антисептиком и садится рядом. – Мила, Мила... Не плачь. Я знаю, что больно, но... Всё пройдёт.

Всё пройдёт. Всегда, независимо от обстоятельств, всё всегда проходит. Но прямо сейчас я нуждаюсь в этой слабости. Так и рыдаю в чужую подушку, пока огромная горячая рука незнакомца гладит меня по голове.

Он гладит, гладит, гладит, путая сознание, и я проваливаюсь в небытие.

Мне кажется, в доме начался пожар. Иначе почему тело моё объято пламенем? Болит каждая клеточка. Болит и нуждается в утешении. Но собственных сил не хватает даже оторваться от подушки.

Я прихожу в себя на короткие мгновения и тут же проваливаюсь в запределье, где царят хаос, пустота и мрачные картинки недавнего прошлого.

Иногда по моей коже пробегается что-то холодное, мягкое и мокрое, и мне становится чуть легче. Иногда мне кажется, что *кто-то* пытается облегчить моё состояние, но тут же задаюсь вопросом, зачем *ему* это надо? *Что* потребует взамен?

Но темнота снова подступает, и мне становится не до размышлений.

На границе сознания я различаю голоса, чувствую, что со мной *что-то* делают, но сил сопротивляться нет. Даже сил открыть глаза нет. Чувствую себя беспомощной, словно младенец. И лишь уповаю на то, что Егор не воспользуется положением и не сотворит со мной *всякого*.

Позже – я не знаю, сколько проходит времени, – мне становится чуть легче. Ровно настолько, чтобы снова вернуться в сознание, вынырнуть из темноты. Открыть наконец глаза.

Я осматриваюсь. Сейчас я нахожусь в той же комнате, куда меня принёс странный спаситель. Мою кожу покалывает. Мышцы ломит. Бедро – так просто горит.

Мир вокруг меня наполнен запахом мужчины. Он слишком яркий, тяжёлый. От него непривычно покалывает в носу, а рот наполняется вязкой слюной. А может, это вовсе не имеет отношения к этому запаху, и я просто испытываю жажду.

Я веду взглядом по интерьеру – холостяцкому и довольно обыкновенному – и натываюсь на внимательные глаза.

– Очнулась? Ну слава богу! – Мужчина пересекает комнату и замирает передо мной. – Три дня температура под сорок стояла.

– А сейчас? – хрипло спрашиваю.

– Держится, – недовольно цокает он. – В районе тридцати восьми градусов стоит, зараза, и никак не сбивается. Спадёт на пару часов после укола и тут же начинает снова расти ввысь.

– Вы... уколы мне делаете? – удивляюсь я.

Ни разу в жизни не болела, и вот, нате вам! Неужели он прав, и у меня началось какое-то заражение из-за укуса собаки?

– Ну, конечно, Мила. Не бросать же тебя на произвол судьбы было? – он кривовато усмехается, но его взгляд при этом остаётся серьёзным.

– Спасибо, только... – я хочу попросить, чтобы он не называл меня так. *Мила*. Имя звучит непривычно, *мило*. Я не милая. Наверно. Откуда мне знать, если круг моего общения был скуден и ограничен, да ещё и сокращался из года в год? Но неожиданно я понимаю, что мне *нравится*.

– Только – что? – торопит меня мужчина.

– Вы не могли бы дать мне попить? – говорю вместо протеста.

– И попить, и поесть, – говорит загадкой Егор и скрывается из вида.

Возвращается с кружкой чего-то горячего и ароматного в одной руке и пиалой – в другой.

– Куриный бульон – лучшее лекарство от всех болезней, – поясняет он. – Сухарики тоже погрызи с бульоном. Тяжёлого пока есть не стоит, а вот жиденького надо.

В этот момент с улицы доносится громкий лай, и мужчина вручает мне кружку, ставит на кровать пиалу и снова выходит из комнаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.